

— Н. ДИМЧЕВСКИЙ —

**Без
НАЗВАНИЯ**

/СБОРНИК./

2

— 1944 - 1945 —

ПОЭТУ

В тесной и пыльной коморке,
В стогах чумаской муки,
Летя о бескрайних ветрах,
Видеть сиянье комет.
Перед последним дохальцем,
Жизни прогнанных руки —
Вот в чем великая радость —
Вот твоя сила, поэт!

Там, где обгадены смерти —
Видеть чинству счастья,
Там, где окончились жизни —
Слышать веселый привет:
В души закрытые злобой
Влить доброту и участие —
Вот в чем твоя долг человека,
В этом призванье, поэт!

27.9.44.

Гноба осень...

Серенькая осень. Сорок первый год,
Самое начало горя и невзгод.

Деревенской школы непривычный класс,
На столе тремещет и кондит моргас.
И ^{не то жемчуг} ушли в деревенской школе
Безменцы и сучки в школе и в селе.

Так тревожно бреша, далеко Москва.
Ни в селе, ни в школе друга не сыскать.
И сижу, скучая, вижу лишь моргас
И не вижу добрых, твоих серых глаз.
А когда увидишь — жить без них не мог
Средь войны и ежжи, горя и тревог.

Льби ушла в ту осень. Я не знал куда:
Может навсегда, может навсегда.
Лишь только каждый вечер ты была со мной,
В застеночной школе, в поле за пургой.

Может быть дружно я весной любил,
Но тебя, как осень в памяти хранил,
Серенькую осень, сорок первый год,
Самое начало горя и невзгод.
Знал, что снова встречу, лишь не знал
Льби пройти не можешь в мире без следов.

И настала осень, принесла хлопот —
Я нежданно вспомнил сорок первый год.
В университете, в самом шумном крае

Я нашел загадку твоих серых глаз.
Летошней келовко и напомнил Вам
Серенькую осень, дождик по полям,
Деревенской школы непривычный класс,
В тот далекий вечер огонек-моргас.

Льби хотела вспомнить... только не могла —
Столько пережила в черные года...
И не надо помнить то, что в даль ушла,
Серенькую осень, скучное село.

Мы опять расстались. Льби ушла... куда?
Может навсегда? Может навсегда...
17.9.44.

Осень.

Осень! Осень сегодня пришла!
Старая осень!
Бород не думал о госте,
Вовсе не думал!
Он беззаботно ходил, как котом
В белой рубашке,
В белой и белой рубашке.
Ветер начал играть
Шелтыши шелтыши...
Откуда их слышно?
В городе каменном?
А все люди залучались
Кто во что мог,
Кого в кем застала осень.
Люди спешат, спешат куда-то...
Лишь только поэты
Ходят спокойно по улицам,
О кем-то вздыхая.
Ветер ходит поспать и неспит
Их развяхренные волосы —

Только им до того им!
 Им до того им, когда
 Оттак холодно блещет закал,
 Первый осенний закал,
 В первых осенних тучах!
 Им до того им, когда
 У каждого в сердце греть,
 Греть об ушедшем солнце,
 Греть о забытой девушке...

Люди затопят буржуйки,
 Сварят картофель,
 Согреются каш и' кофе,
 Только поэты
 Будут мерзнуть под ветром
 И долго вздыхать на закал,
 Первый осенний закал,
 Первый осенний...
 Никакие буржуйки
 Их не согреют,
 Никакие танки не смогут
 Дать пищи
 Их голодным сердцам...
 Поэты останутся в улицах,
 Даже тогда,
 Когда ветер сорвет облака,
 Обнажив в зерное небо.
 Черное небо с медянными звездами!
 О бесконечные звезды,
 Вечность вселенной,
 Будет мучить поэт,
 Мучить всю ночь до утра!
 Ночь до утра...

13.9.44. Москва

ПОТОМКАМ

Нет! Не измазть веками
 Пашаля о будущих наших,
 Судьба великих армий,
 Ужас кровавых действий!

Люди счастливого мира!
 Слышайте наши крики —
 Мы — ваша гордость и сила —
 Вы нашей славы велики!

Каждая капля крови
 Наши пролита в дитвах,
 Отплать материнский и воцелый
 В наших тревожных молитвах —

В ваших садах заставит
 Цветы ярко-красные маки,
 Сил вашей жизни прибавит,
 Радость засветит во мраке!

Счастье на ваших лицах
 Жуплено нашей мучкой,
 За мир в ваших светлых столицах
 Мы умирали без звука!

Знаем, что счастье близко,
 Мы на погибель смело,
 Чтобы под солнечным змееком
 Ваша радость блещет!

Лишь же летит над веками
 Пашаля о будущих наших!
 Нашими сквами итыкали
 Мир без печали и бедствий!

27.9.44. Москва

Москва.

Загуманялся звезда над крестами,
 Подежут по мостам огоньки.
 Лучшей музыки люди не слышали,
 Чем безмолвие темной реки -

Потому, после дня пугозвонного,
 Когда осенью веет зима,
 Я сижу с безразсудством выведенного
 К черным башням ночного Кремля.

Здесь картины веков неизведанных
 Ролью силой и славой живут,
 Сотни образов, ночью навеленных
 Слов, как пленники угады идут...

И в покое движущей осени
 Пропадают огни на мостах -
 Это ползущая дикая дрожь
 Свет козлов на речных берегах,

Это бешут доспехи татарские
 На холме, у подножья Кремля,
 Это ведали дружины дунгарские,
 Чьи московские кивы горят?

Или снег заблещет под обривами?
 Или селя росейские идут?
 По дорогам, под черными ивами
 На столицу французы идут?

Нет, из рельс на снегах язграждения
 Заблещет под зимней луной -
 Это новых врагов наводнение -
 Это немцы стоят под Москвой.

Здесь пути на Берлин открываются
~~Славя зреть зима не покорится~~
 Вот отсюда, от дашен Кремля
 Сила русских людей поднимается,
 Пишет первой победы зари!

Ужас мне не любить без воинения
 Этих стен, эти точки огней,
 Когда здесь вот прошли поколения
 Замерзательных русских людей!

Не прожить мне ни года, ни месяца,
 Не посижу в безмолвной реке!
 Как выведенному нужно мне
 Встретиться
 И смотреть, и ласкать огоньки!

29.8. - 8.10/44. Москва.

Черной город. Далекая улица.
 Ветер мечет крути фонарей.
 Я прохожий - мне можно сбудиться
 В тоске ваднике - шуде моей.

Нигде, добела не прогнобуши,
 Потому, что ведь ты меня идешь
 И шумом в черной улице згнобуши
 Немонидно, немальши зовешь.

Я сижу, хоть и знаю - не едуется,
 Не пройдет то, чего не скажешь...
 Все равно - я люблю эту улицу,
 Хорошо мне под ветром шагать.

И с надеждой, несленой, немовкою
 Под вихрящимся ветром идешь...
 Там, за черной, как ночь маскировкой,
 Может правда, что ты меня идешь?

17.11.44. Москва.

ДЕКАБРЬ.

То заснеженными улицам,
 То забытым дворам
 Я чуждый дрея, забытаменный
 И забыл почему-то, что в мире война,
 Что душа, как у всех-изранена.

Все как ^{это} в детстве припомнилось
 И несомненно прошло,

То забытые воспоминания!
 И сейчас не от вас ли в патетках-
 светлю
 будто месяц как зарит сиянием.

Но когда война кончится,
 Маскировку сорвут,
 Будет в книгах о прошлом раскис-
 зано,
 С неизведанной гречью по-

тпе, чье детство с войною связано,
 Темн. пройду

ведь оно ненадолго
 И приходит не зра-
 Не забудем, хоть было суровое-
 После тут еще ярче сияет заря,
 После горя - понетно веселое.
 12.44.

Торос.

Торос в трауре черных окон,
 Осенний крошот метели!
 Не тебя ли смертельным скоком
 Тодя бедевший и воин облетели!
 Не в твоих ли улицах темных
 Бродит наше шухое горе,

Не твоих ли людей голодных
 Тонят войны на поле боя!

Но в мелезные годы эти,
 В непомерном пожаре 'мира
 Тонил я, что не будет смерти,
 Там, где воля твоя и сила-

Тодя плащем вихрящейся ночи
 Скрыта радость труда и жизни
 Для того, кто борется хочет,
 А не плакать (о паших) на гризне.
 И не знаю я меда на свете,
 Где бы сила была чудесней-
 В этом городе, в громе смерти
 Воля к жизни родится с песней!
 7.12.44.

Корни.

Силные корни под землей елились,
 Как шумальцы неведомого зверя.
 Каким пророкам пламенным поверя
 Они лишь землю ктуг, презревши неба высь?
 Затем питают евол, который люди срубят
 И корчатся, как змеи на костре
 Не лучше ли в ветком и листьями пестреть?
 Ведь, как и все, их времена погудят.

Но нед-цирешы коркевшу извивы,
 Все шудне в землю, дальше от небес.
 Ведь так и человек в свой узкий мир
 залес,
 Забыв бескрайние, свободные поравы
 Ходует ценнои путем труда и зол,
 А сам не видит их и ешела их не знает,
 Как корень под землей не понимает
 Затем растет красавец стройный евол.
 24.9.44.

* * *

Некому отдать слова стихов
Новогодней ностальгией.
А среди морозов и снегов
Так давно душа любовь искала.

И найду ли в будущем году
На дорогах зимней метели,
Ули слова одиноки приду
Тот слыше новогодней ели?

31.12.44.

Январь

Затерялась за снежной пылью
Получай пурга созвездий.
Долгожданное станет дробью
В этом вихре грозных возмездий.

Вьётся снег январской метели
Для того, чтобы дури стихли.

Мы так долго ехали гертели,
Чтоб увидеть последние вихри.

30.1.45. Москва.

Весть. X ! +

То Оке, по берегу
Потерялись в дали
Села безмужичьи
В горе и печали

Старое, да малые
Брошены в деревнях.
Сыновья с мутьями
В тридцатых землях

Как пройти не ведаю,
Чтоб не слышать плача -
Так уж, знашь, положено,
Не ступить иначе.

То пути далекому,
То прикеким селам
Много вестей носится
Потребальным звоном

И одну лишь весточку
С радостью великой
Примут долгожданную
Без толки, без крика.

Что за радость знаете,
Уже сказать словами
Этим летом праздновать
Будем ее сами.

14.2.45. Москва

Поткидали город за городом,
 Остаивши вереву за веревкой.
 Замерзали сёла и свободой
 На солдатской щеке слезой.
 Он не знал, где с враном повстреча-
 ется
 И не думал дожить до седим,
 Только верил, что войны конча-
 ются
 И конец будет - пахший Берлин.

В подмосковных горющих дачах,
 Когда в город случалась смерть,
 Знал, и шёл не было снаше!
 Фридрихштрассе так будет гореть!
 Когда край, где, как в церкви
 все светло
 Мессеринг этот летит бомбить
 Медь кинела в думе автомата:
 Оттак же немцам придется пожить!
 И заря разгорелась в пламя,
 И за Одером бежеся дым -
 Русский воин идет городом,
 За которыми - черной Берлин.
 27.2.45. Москва.

* * *

Памятник из серого гранита.
 Зимний день. Угасло сыплет снег.
 Век назад такой же серый свиток
 Нес подмышкой серый человек.

На него извозчики кричали:
 "Сторонись! Нерасторона! Эй!"
 И никто не думал, что в тумане
 Проходил достайный из людей...
 Кто же знает, может по дорогам
 Сам, как этот серый закружусь,
 Чтобы после на границе дорогой
 Отбы, как мать, почитила сына, Русь...
 2.3.45. Москва.

Весной!

Серый плакат: строим немцы идут,
 Подняты руки - "Битлер-капуть!"
 Рядом,
 ног макрым скелом промак,
 зредный одрубак,
 без рук и без ног.
 Глашгозь от тук стала темной, как скел.
 - братья! бодайте камесе на хлеб!"

Двое угасых.
 Виснуи автомат.
 смурные лица мальчишек-солдат.
 Кованной стук в мостовую сапог?
 - Кто же весной на фронте не мак?!
 - сами талыми мотет придем,
 - Гортя ии плакадь
 здесь ног дождем!

Валкий от горл тух и ошел.
 - братья, поудите камесе на хлеб.
 люди пов лудман спешет и бредут
 мимо плаката, где "Битлер-капуть!"
 8.4.45.

В переулке

Ага! Я знал, что мы встретимся здесь -
В переулке и ночью, и в зоице,
Знал давно, что в тебе заколдует медь
И что дыжу мошдь!.. Не тронь!"

А ты, прохрипев свою пыльную дрань,
Занесешь, как топор кастань:
- Птичовая, крысиная мать и зрень,
Разорвет зомгеваю пль.

Но я, прозрев безысходные окна,
Двой удар, как награву приму,
Дилкий со зорда, камешка - изиклон,
Отересивший гору-войну.
18.5.45.

Илья Муромец

Затогим Илью Муромца в город,
Заперим в кородки ятайей.
- Ум ты гой, моя волюшка-воля,
Непокорный ~~во~~ ветер от полей!"

- Разверни ды богатыеки шети,
Разметай ды камши в небеса,
Да, выдать, природе теловербеи
Ум такую мурку бог послал.

А сончал в каменной шети,
Не зил гороца, звать, родилей
Мне присташице на белом свете -
Средь полей, за в Муромских песах

На привольи муравьи курьют,
А весной реки, как моря...
Закричьть ды голосом зычным!
- Ум ты гой еси, родимая земля!

Ж, затем затогим меня в город,
Заперим в кородки ятайей,
Ум ты гой, моя волюшка-воля,
Непокорный ветер от полей!
15.4.45.

* * *

Знаете? - а это ведь не важно,
Что пухтак протерей на локтях,
Что без мамы волось по ветру
Волокнистым облаком летит.

Это зате лучше, тем в цилиндре
Упорно по улице идти
Потому что ветер, зодрой маюи
Илиь дрогатаи песни засветит,
А за песни, вьете у ветра,
Девушки, как шудавна велось,
Нас прозир, веселых и беснежных
Любит дильше, тем цилиндр и трость.
27.5.45.

* * !!

Мои волось в книжной пльи,
Их дрогата-ветер, не трогал,
Потому же я так полюбил
Не знакомое раньше зором?

Может в детстве усталая мать
 рассказывала о странностях звед
 и мальчишской я катан мерзав
 лишь о том, что никто не изведан.

И подым я стал подым,
 что в дорогах келье без песни,
 и тебя подым, как весну,
 чтоб в пути даль с весной вместе.

Много верет через жизнь пролетно -
 все измерено душой магам.
 я из книг там юность провел,
 чтоб век не расставал с путями.

7.6.45.

* * *

Маленькая зебушка
 в тесном вагоне
 Взмах дует черешухи,
 песню весны.
 Все мы торопимся,
 но каждый понял,
 зов еще свистит
 светлей мечты.
 В темном лабиринте
 серых тонкостей
 всем закружилось
 о вольных ветрах...
 А мимо бетонные
 бемы летим -
 у маленькой зебушки
 дует дни в руках...

25.5.45.

Пот смяседиший сидел у петурки.
 Крошечный огонь его стрелы гитал
 и весело прогам тени по стенам...
 лишь мажущий ветер здесь все понижал
 А ночь замела терным пологом горю,
 Желтые листья кружила в дожде.
 желеной звездою мерцало окошко,
 где безной потя тел меду о звезде.

25.5.45.

Колумб.

Потертый машинка, кензонка набок,
 блондин тепло занчик стиснут в руке -
 пакими приходят искать славы,
 Колумбы жизни на суе к судьбе.

И я такой же, как все Колумбы,
 в путь отправляюсь, как все плывот.
 Пловко попутный ветер подул бы,
 а там - сотню корабль и мостов!

Все вперези, позади мечты,
 Кемло мне ни тачель, ни терель.
 я позабыл своих дедов имя,
 близко запомнил отца и мать.

Знаю: судьба повертит и конит,
 если за горло ее схватить,
 если кричать ей как можно громче:
 - Мне, мол, Америку нужно отстроить!

И так смешно на серых прохожих,
 С опаской смотрящих на этот лес!
 Да если без дури тот век свой прожить,
 Какой же к горю ты человек!

23.5.45.

* * *

Все берёзы, да берёзы,
 Серой пеленой на коре.
 Где бы жизнь свою ни прожил
 Не покинуь вас навек.

Потому ведь яговсюду
 Мы домой спешим всегда,
 Чтоб считать в лесу берёзы,
 Как прошедшие года.

Вот на ту мальчишкой лазил,
 Там кукушку увидал,
 А поз той весной пахучей
 О любви своей сказал.

Позему такая сила
 В тонких изумальцах ветвей,
 Видно юность в них уходит
 От седящих людей —

Старика пришедшей смерти
 Лишь про молодость твердят,
 Как роса в лесу берёзка
 Сетью лет таму напад

2.8.45.

Песня.

Наша осень, как стённое привоное,
 Как осенний поёт муравлей.
 У народа суровая доля,
 А ведь песня в душе у людей.

Протянулась, без меры и края,
 То деревням прошла, по векам
 И сейчас, как и прежде, такая
 Как от дёзов осталась нам.

Доме в шутке заботы станы,
 Даже в смехе-веселии нет.
 Из каких то веков принесена,
 Почему прожила столько лет?

Для меня всё равно ты родная,
 Твоя доля - это мёрца моя.-
 Всё равно, ничего не узнаю
 Лучше слов, что сложила земля.

30.7.45.

* * *

Я чувствую в солнце осеннем
 Последнюю, тихую насту -
 Ведь осень нависла виденет,
 Земля не менела окраску
 И здесь, на могильнике скучном,
 Где шитами травы изметы,

И в воздухе, тислом и жуеюнам
Есть сладкие запахи меда.

А лето умрёт, летнет наземь
Звенящими ильбами клёна
И юны забудут о сказе,
Что пелел метвою земёной.
Но там, за снегами, за ветром
Бессмертное сонце родится -
Воскреснет умершее лето,
На год постаретя урожай.

43-45.

Ока.

Как у девицы Оки,
Д крисиавицы реки
Воётея русая коса,
Да ш тислого песка.

Толко девицею боть,
Тора замуш выхозить.

Изо льда скуёт мороз
Обручальное кольцо,
Позвенетною фразой
Уберу её снега.

А потом благословит
Вонга матушка-река
С распригожим молодцом
Вольным Крештем

22. 8. 45. пархоз. Ока

* * *

Косое, вечернее сонце
Раскинуло тени в образах
И в эди силки попадётся,
Расматает звёздами ночь,
А там, за оконцем оконце
Засветится в тучных лампадах
И валсаку отзох даётся,
Что труп прикиман во всю ночь.

Деревни уекут, как попало,
По тёмной земле разметавшись
И только собака завоеет,
Принимв тинику за тоску.
И кудь все б на свете пропало
Мне б с этой землёю обнявшись,
Скажеть ей, что вместе мы двое,
Не много друзей на веку.

22. 8. 45.

* * *

Эх, метель, метелица,
Снеговое поволия,
По дорогам вербится
За тёмными сёлами.

За белыми глазами,
Ветренными глазами,
Бесню, как метелицу,
Ногью повстречали мы;

И пошла над нивами,
Топивая над сёлами
Тесня, угоня русская,
Снеговое пополье! 20.10.45.

+ Касимов !!

Минарет, собор, за церкви,
Звон, за крики муэдзинов
И встает из песни старой,
Лёгкой, древний град Касимов.

Конь, дракон, градский берел,
Шумишь пылает жаром стали,
А в шагах косяк стеновое
У святого Маха-Али.

По Оке проливом струи,
За рекой в лесах зарницы,
Петр Великий, крест зашепел,
Манку сшил, перекрестился...

А над градом Джусурманский
Крест сшил на минарете —
Царь велит паметь из тумок,
В полумислице, по мечети!

Тнев Петра, как тнев амаха —
Доми рванулся, сизови шумел...

И теперь мечеть зовётся
Кравецкогоским музеем

На Оке осколки радуг —
Вместки нефти и бензина —
Паш взовают пароходов,
Вместо древних муэдзинов.

Линь беззубая татарка
У градницы Маха-Али
Свой корал бормогет сонно,
Новых вер не понимает...

Людскую века Окою,
Минут лета, стала зимы,
Лет останешься, как песня,
Лёгкой, древний град Касимов!
20.2.45.

* * *

Осень геканит бесуенное шелье.
Сколько сокровищ в лесах подное-
ковья!

Что ты это ноги крадётся по-росой,
Тёрные сугля собирает по-взобви?

Бросьте! Идите в колёны-поуваль,
Золота гудят у камзой берёзы,
С яркого неба сорви поскривало,
Смейся над нищими прозвоню Крёдом

Если не крадиль-берн, фомобулся
Золотом соен с алмазной смолою
Стройных осин серебряные брусья
Игнокость илюю, как домь ченокоят
Погью на ветках затенится звездо-
То ещё кутно, о геш зашепталбсья —
Вегер осенний и воздух морожиль-
Крёду богатства талце не смётся!
13.9.45.

* * *

У меня под мягкой майкой
 Бьётся, как осень сердце,
 Но никто об этом не знает -
 Я свой клад хороню от глаз.
 А у моих под бием костля
 Еще бьётся отрывок перца
 И они его хвалят так же,
 Как ариша известный драз.
 Говорят, что "страстью пылает"
 Говорят, что "кипит в груди".
 Я им верю - вполне возможно,
 Ведь когда нежный повар,
 Отто во рту от перца горит...
 22.9.44.

Это значит

Слышшь, кровь замечает бег,
 К сердцу там же крадётся греть.
 Стан позан любой человек
 И твердит стихи наизусть -

Это значит, что падает снег,
 Это значит, что в тучах луна
 И упорного ветра свист
 Возвещает: "Скоро зима...".

6.10.44.

Рыбазка

Средно волос трепещет
 Над упрямой транзой иба
 И вода кольцом хрустальным
 Её ноги обняла.

Статье было диком солнца -
 Море дало и взяло,
 Но тогда рыбака шло
 И лицо её светло.

Здесь, у ног, веской замечай
 (Сорок лет прошло с тех пар)
 Измаив в объездах, лодку
 Брошил ветренный простор.

Чуть живой рыбак поумней,
 У её свалился ног
 И уплыть домой оброчно
 Не хотел он и не мог

Осень, с дурей и туманом
 Плённым вечером пришла
 Здесь ждала рыбака луна,
 Но лишь стон вернула мгла

Там, где рифы пенным шлейфом
 Скрутой берё облекши
 Рыбака пришло море
 В царство вечное земли...

Счастье было близко солнца —
 Море даило и вдало,
 Но медит рыбака смело
 И лицо её свело.

Там, у рифов новый парус
 Возвратился невредим.
 Правил лёгкою шамангой
 Вместе с внуком ловким сын.

18.8.45. Касимов.

Гранит.

Мороз без чётки ковал стесним-
 ные узоры
 И много пара рвались из зверей.
 О тине и тепле мечты и разговоры
 Стоило правили сильнее всех идей.

А там, в проезде, где толпа домаши
 ебита,
 У полированных колонн текла
 О лёд подумал мог, что в колоде
 гранита
 Ибожник непогатого теня!

Я подошёл к стене, сорвал
 перчаткой иней,
 Картину эр планета аднатил
 И кивнул вихрящейся лавиной
 Переплетения своёв и эпил.

Не в снах звичнётся, с познир-
 тою рукою
 Я таз не мог и не хобел отвесть —
 Весть тамне ветности бурлящего
 рекою
 Бог инеем несио стигалоуцо весть.

Я все, имевшие томо в квартире
 И те, кто не вдал ещё зимаи теня,
 Задоб о колоде, смотриш, как в
 гредущем мире
 Все там река гранитная текла.

А я, не помня день, название
 года,
 Задоб, что колод в ущельях звенит
 Лишь удивляется мог, как
 древняя природа
 Вломила вихри тамечи в
 гранит.

* * *

Вечер пришел ноябрьский -
Крепки морозные мышцы.
Месяца ноги дамасский
Согнул пружиной серпом.

Послеушишь медь срезаю,
Послеушишь травы сглади,
Расплавил туман над лесом
И город спалил зарей.

Он крепкие мышцы мороза
Ковал на мою пошлел
И зорким ораком рождал,
Чтоб сердце мое спалить
Невежда, не знала, что сердце
Давно зажжено весной,
А, угадыв, в майскую пору
До пепла оно слорит.

11.11.45.

* * *

Душа человека - пропасть,
Заманяет в неё глаза,
А носом вырвись поприбуй,
Найди дорогу назад.

Слова человека - загадка,
В них радость весной найдём
И в них же осенний иней,
И там же немданный нож.

Лицо человека - книга,
Любая страница - год,
Но знаки морщинок тёмны
И подпись страстей тверда.

И тело тайну не выдаст
В одежде спрячет позор
Невинность сокроет будто
Познанию гадать вор.

А в пропасти - всё открыто,
А в душу ведёт глаза,
Но если заманяет - вред им
Дорогу найдём назад

11.11.45.

Ich Seine | Mein Lieben, wir haben beisammen |

Милая, вместе мы если
Угодно в лёгкий челнок
И тихой ногою поплыли,
А путь водяной галек...

Чуждый воздушный остров
Отпешнет в дуэте лунь

Тот звук мотивов многих
Плещет туман среди тошот.

И там, всё тише и тише
Возносится тихий звон,
А шот, безутешные, мило,
В дальнее море плывём.

2.12.45.

* * *

Расправляет ветер крылья.
Изверх и вниз
Одинокие скетинки
поемись.

А по городу проходит
день и век —
Мизнь выхрился, сметится,
взлетит и бег.

И скетинки ищут в ветре
друпа друпа,
Чтоб шатней задержнуть город
в скетинный круг.

И любовь приходит к людям
той порой,
Но не тает, как скетинки,
взрывает, веселой.

27.12.45.

Женщина.

На крышах арише скрошная
женщина
С доброй улыбкой кивает огнем
И сотни взглядов на лице её
скрежены —
Мадные мужички подняли гам.

Внизу, в путях уютная штиблетами,
Отталкивают крашенных любовниц
прого —
Им хогелся, им шутко, западился
билетами
И мажно смотреть на женщину
всю ногу.

Смотреть и хогель, и не мочь, и
поэтому —
Впивая в неё взгляды, темные
от ран,

Но тело, в гёрной бархат
скрошно одежде
Не выпустит в позорище серый
экран.

Так стоит как толпую тихая
женщина —
Она пришла от великих пирамид
И твельгелелья похотиные взгляды
скрежены,
А она на огни с улыбкой шлежит.

23.12.45.

Сказка.

Зрелица царевна гусли в омут,
Замыслась на тихий закат.
Как вечерние птицы в гуще стонут
И сухие тростинки тонко звенят.

А на дне водяной прикоснувшись
И пошли по воде ^{к струнам} серебрясь
Царевне казалось, что ^{кружит} лунный
Предстал по зелёным ^{струнам} кружам.

И зашел, засветился звёздами
И в каждой пекре были маза. ^{омут}
Царевна сошла по камням к
Улыбнулась ему и ушла назад. ^{водяному,}

С тех пор каждый вечер гусли
Как сухие тростинки ^{царевны,} тонко звенят.
Водяной вспоминает о сказке
И уходит за сосны тихий закат. ^{древней}

23.12.45.

* * *

У Нео были тонкие пальцы,
У Нео широкоплечные руки.
И она играла на скрипке,
Когда он звонким молотом млил
Синий жар накалившейся стали.
А душа у него была
Ещё тише и тоньше, чем звуки
Звонившей, задушивой
скрипки.

Он пошел по тропинке к морю,
Чтоб забыть весёлые войны
И уловил скрипку в саду
И она, великана заметив,
Смугилась, потискла и стихла...

У Нео было сильное сердце,
И звужало оно, как скрипка.
Он поднял её, на руки взял
И никто не дивился тому,
Что его широкоплечные руки
Не измяли весеннюю песню.

20.12.45.